

ОН ПОНЯЛ!

ДЕЙСТВУЮЩИЕ ЛИЦА: Мужичонка-охотник
Дворняга, очень худая (человек в костюме
облезлой дворняги)
Кржевецкий, господский приказчик
Петр Егорыч Волчков, барин, отставной
подполковник

МЕСТО ДЕЙСТВИЯ: опушка леса, господская контора

ВРЕМЯ ДЕЙСТВИЯ: лето, жаркий день

Сцена 1. Мужичонка и дворняга. Опушка леса

По опушке леса крадется маленький сутуловатый мужичонка в огромнейших сапогах и синих панталонах с белыми полосками. Голенища сапог спустились до половины. Донельзя изношенные, заплатаанные штаны мешками отвисают у колен и болтаются, как фалды. Засаленный веревочный поясок сполз с живота на бедра, а рубаху так и тянет вверх к лопаткам.

В руках мужичонка ружье. Заржавленная трубка вделана в белый самодельный приклад. Не будь этого приклада, ружье не было бы похоже на ружье. Ржавый курок весь опутан проволокой и нитками.

Косые, воспаленные глазки мужичонки беспокойно глядят вверх и по сторонам. Жиденская, козлиная борода дрожит, как тряпочка, вместе с нижней губой.

За ним, высунув язык, бежит большая худая дворняга. На ее боках и хвосте висят большие клочья старой, отлинявшей шерсти. Задняя нога повязана тряпочкой: болит, должно быть. Хвост уныло болтается.

Мужичонок то и дело оборачивается к своей дворняге.

МУЖИЧОНОК (пугливо): Пшла!

Дворняга отскакивает назад, оглядывается и, постояв немного, продолжает шествовать за своим хозяином.

В стороне что-то издает звук неподмазанного колеса.

Мужичонок бросается в кусты, тянет шею и смотрит на соседнее дерево. Лицо его расплывается в улыбке: наконец-то можно кого-нибудь подстрелить! Человек-дворняга берёт свой хвост и радостно размахивает им из стороны в сторону.

На дереве видно черное пятнышко. Скворец сидит на ветке и смотрит себе под поднятое крылышко.

Мужичонок топчется на одном месте, сбрасывает с себя шапку, прижимает к плечу приклад и начинает прицеливаться.

Слышится выстрел. Стрелку сильно отдаёт в плечо. Видно, что он не пожалел пороха. Бросив ружье, он бежит к дереву и начинает шарить в траве. Поднимает свою «жертву» – чёрную продырявленную тряпку и рассматривает. Потом с восторгом говорит, обращаясь к дворняге.

МУЖИЧОНКА: В голову попал!.. Скворец! – мужичонка торжествующе потрясает драной тряпкой, потом суёт её под нос дворняге.

Дворняга нюхает «скворца» и пожимает плечами.

Сцена 2. Те же и Кржевецкий

Как из земли вырастает перед ним Кржевецкий, господский приказчик. Мужичонок видит его надменно-строгое, рыжеволосое лицо и холодеет от ужаса. Шапка сама собой валится с его головы.

КРЖЕВЕЦКИЙ: Вы что же это? Стреляете? – говорит насмешливым голосом. – Очень приятно! – Кржевецкий возвышает голос, – Вы кто такой?

МУЖИЧОНКА: Павел Хромой, – еле-еле выговаривает мужичонок, прижимая к себе ружье. – Из Кашиловки.

КРЖЕВЕЦКИЙ: Из Кашиловки, чёрт побрал! Кто же позволял вам стрелять? Дайте сюда ружье!

Хромой подбирает и отдаёт ружье.

МУЖИЧОНКА (дворняге): Лучше б он меня по морде...

Дворняга согласно кивает головой и разводит руки в стороны, как-бы недоумевая.

КРЖЕВЕЦКИЙ: И шапку давайте...

Хромой отдаёт шапку.

КРЖЕВЕЦКИЙ: Вот я вам покажу, как стрелять! Чёрт побрал! Пойдемте!

Кржевецкий поворачивается к нему спиной и гневно ушагивает со сцены. Павел Хромой, теребя в руках тряпку-«скворца», плетётся за ним.

Сцена 3. Господская контора. Те же.

Кржевецкий и Мужичонка входят в просторную комнату с низким потолком и синими полинялыми стенами. В конторе никого нет. Посредине стоит большой дубовый стол. На столе две-три счетные книги, чернильница с песочницей и чайник с отбитым носиком. Всё это покрыто серым слоем пыли. В углу стоит большой шкаф, с которого давно уже слезла краска. На шкафу жестянка из-под керосина и бутылка с какой-то смесью. В другом углу маленький образ, затянутый паутиной...

КРЖЕВЕЦКИЙ: Надо будет акт составить! Сейчас барину доложу и за урядником пошлю. Снимайте сапоги!

Мужичонка прячет тряпку в карман, садится на пол и молча, дрожащими руками стаскивает с себя сапоги.

КРЖЕВЕЦКИЙ: Вы у меня не сбежите, - приказчик зевает. - А уйдете босиком, хуже будет. Сидите здесь и дожидайтесь, пока урядник придет...

Кржевецкий запирает в шкаф сапоги и ружье и уходит со сцены. Мужичонка по-прежнему сидит на полу, горестно подперев руками голову.

Дворняга крадучись пробирается на сцену и усаживается рядом с хозяином. Артист одной рукой взявшись за хвост, «вилляет» им, а дугой прижимает уши, изображая радость встречи и заглядывая на мужичонку снизу. Мужичонка отпихивает его: «Пшла...»

Мужичонка медленно чешет свой затылок, вздыхает и пугливо осматривается. Слышен звук летящей осы. Мужичонка и дворняга как-бы следят за её полётом. Оса ударяется о стекло окна и замолкает. Мужичонка поднимается с пола и идёт к окну. Оса взлетает и ударяется несколько раз о стекло. Дворняга полулежит и обмахивается хвостом как веером.

МУЖИЧОНКА: Жарко... да?

Дворняга кивает в ответ. Мужичонка пятится к двери, становится у косяка и, опустив руки по швам, прислушивается... Оса бьётся о стекло.

МУЖИЧОНКА: Отчего она, дура, в дверь не летит? - показывает пальцем на дверь.

Дворняга жестами показывает какая оса дура недогадливая.

МУЖИЧОНКА: Так вот и люди, стало быть... Есть место, где ему на волю выскочить, а он и не знает, где оно, место-то это самое...

Сцена 4. Там же. Те же и барин Пётр Егорыч

Слышится звук хлопающей двери. Мужичонка отбегает от двери и пристраивается на пол рядом с дворнягой. Дворняга приосанивается и, как верный товарищ, кладёт «лапу» ему на плечи.

МУЖИЧОНКА: Пшла! – и спихивает собачью лапу с плеча.

На сцену выходит маленький, толстенький человек в широчайших брюках и помочах. Он без сюртука и без жилетки. На спине полоса от пота, на груди такая же полоса. Он страдает от зноя и духоты. По заплывшим, сонным глазам видно, что он только что поднялся со своей душной перины. У него большой красный нос с лиловым отливом.

Он прохаживается несколько раз вдоль по комнате, как бы не замечая мужичонку, потом останавливается перед пленником и долго, пристально смотрит ему в лицо. Смотрит в упор, с презрением. Мужичонка не выносит этого взгляда и опускает глаза. Ему стыдно...

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Ну-кася, покажи, молодчик, что ты убил! Покажи, образина!

Мужичонка лезет в карман и достает оттуда несчастного «скворца». Пётр Егорыч презрительно усмехается и пожимает плечами.

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Дурак!.. И тебе не грех? И тебе не стыдно?

МУЖИЧОНКА: Стыдно, батюшка Петр Егорыч! – Мужичонка пересиливает глотательные движения, мешающие ему говорить...

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Мало того, что ты без спроса в моем лесу охотишься, ты смеешь еще идти против государственных законов!

Петр Егорыч берёт книгу с полки, раскрывает, долго перелистывает и, прочистив горло, начинает читать высоким протяжным тенором статью, возбраняющую охоту до Петрова дня. (найти текст статьи в старых кодексах) Тяжёлый кондовый язык юриспруденции не способствует пониманию смысла. Пётр Егорыч кашляет и «переводит» на русский язык уже обычным голосом:

– В законе сказано, чтобы никто не смел стрелять до Петрова дня.

Пётр Егорыч захлопывает книгу (от этого из книги взлетает облако пыли), подходит к столу и с размаху грохает ею об стол.

– Тебе это не известно?

Дворняга отрицательно мотает головой. Мужичонка подходит к столу. Дворняга также перебегает к столу, находит себе место под ним и, дружески выглядывая оттуда, льстиво виляет хвостом.

— Так ты этого не знаешь?

Дворняга опять отрицательно мотает головой.

МУЖИЧОНКА: Как не знать? Знаем, ваше высокоблагородие. Да нешто мы понимаем?

Дворняга жестами иллюстрирует «дураки, мол, мы, чего с нас спрашивать-то?».

ПЕТР ЕГОРЫЧ: А? Какое же тут понятие, ежели ты безо всякого смысла тварь божью портишь? Птичку вот эту убил. За что ты ее убил? Ты ее нешто можешь воскресить? Можешь, я тебя спрашиваю?

МУЖИЧОНКА: Не могу, батюшка!

ПЕТР ЕГОРЫЧ: А убил... И какая из этой птицы корысть, не понимаю! Скворец! Ни мяса, ни перья... Так... Взял себе да сдуру и убил...

Пётр Егорыч щурит глаза и начинает расправлять «скворца». Смотрит сквозь дыры, потом комкает и роняет себе под ноги. С брезгливой миной перешагивает «трупик». Дворняга выползает из-под стола и пытается достать «скворца» лапой.

ПЕТР ЕГОРЫЧ: От жадности ты этот поступок сделал! (Дворняга отдёргивает лапу) Видит пташку, и ему досадно, что пташка по воле летает, бога прославляет! Дай, мол, ее убью и... сожру... (Дворняга радостно кивает) Видеть тебя не могу! (Дворняга, схватив «скворца» ретируется под стол.) Ты вот убил ее, а у нее, может быть, маленькие деточки есть... Пищат теперь... (Дворняга разводит руками: мол, что ж теперь делать, жизнь есть жизнь... и начинает с аппетитом поедать добычу).

Пётр Егорыч делает плаксивую гримасу и, опустив руку к земле, показывает, как малы могут быть деточки, слегка наклонившись при этом – и замечает, что собака поедает вещественное доказательство. П.Е. бросается к собаке, вытаскивает её за шкуру из укрытия и отнимает тряпку.

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Дай сюда! Пшла! – он волочёт Дворнягу к выходу и поддаёт пинок под зад. Дворняга пулей вылетает вон.

Мужичонка тяжело вздыхает.

МУЖИЧОНКА: Не от жадности это я сделал, Петр Егорыч, – оправдывается дрожащим голосом.

ПЕТР ЕГОРЫЧ: От чего же? Известно, от жадности!

МУЖИЧОНКА: Никак нет, Петр Егорыч... Ежели я взял грех на душу, то не от жадности, не из корысти-с, Петр Егорыч! Нечистый попутал...

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Ты сам нечистого попутать можешь! Все вы, кашировские, разбойники!

Пётр Егорыч с сопеньем выпускает из груди струю воздуха, вбирает в себя новую порцию и продолжает, понизив голос:

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Что ж мне теперь с тобой делать? А? Принимая во внимание твое умственное убожество, тебя отпустить бы следовало, .. но, .. соображаясь с твоею наглостью, тебе задать надо... Непременно надо! – П.Е. возвышает голос до патетики, – Довольно уж вас баловать... До-воль-но! – меняет голос на обычный. – Послал за урядником... Акт сейчас составим... Улика налицо... Пеняй на себя... – опять патетично, подняв вверх указательный палец, – Не я тебя наказываю, а тебя твой грех наказывает... Умел грешить, сумей и наказание претерпеть...

Пётр Егорыч в очередной раз меняет тон с гневного на добродушный. – Охо-хохх... Господи, прости нас грешных! Беда с этими... Ну, как у вас урожай?..

МУЖИЧОНКА: Ничего... милости господни...

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Чего же ты глазами моргаешь?

Мужичонка конфузливо кашляет в кулак и поправляет поясок.

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Ты скворца убил, ты же и плакать собираешься?

МУЖИЧОНКА: Ваше высокоблагородие! – говорит дребезжащей фистулой, громко, как бы собравшись с силами. – Вам, по вашему человеколюбию, обидно за то, что я птаху убил... А мне нешто не обидно? Я человек глупый, хоть и без понятия, а и мне... обидно-с... Разрази господи...

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Так зачем же ты стрелял, ежели тебе обидно?

МУЖИЧОНКА: Нечистый попутал. Дозвольте мне рассказать, Петр Егорыч! Я чистую правду, как перед богом... Пуцай урядник наезжает... Мой грех, я за него и ответчик перед богом и судом, а вам всю сущую правду, как на духу... Дозвольте, ваше высокоблагородие!

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Да что мне позволять? Позволяй там или не позволяй, а всё умного не скажешь. Ну, говори...

Хромой проводит рукавом по дрожащим губам. Глаза его делаются еще косее и мельче...

МУЖИЧОНКА: Никакого мне антитресу нет от этого скворца. — Будь их, скворцов, хоть тыща, да что с них толку? Ни продашь, ни съешь, так только... пустяк один. Сами можете понимать...

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Нет, не говори... Ты охотник вот, а не понимаешь... Скворец, ежели поджаренный, в каше хорош... И соус можно... Как рябчик — один вкус почти... — мечтательно закатывает глаза.

И, как бы спохватившись за свой неуместный тон, Пётр Егорыч хмурится и добавляет:

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Узнаешь сейчас, какого он вкуса... Увидишь...

МУЖИЧОНКА: Не разбираем мы вкусов... Был бы хлеб, Петр Егорыч... А убил скворца от тоски... Тоска прижала...

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Какая тоска?

МУЖИЧОНКА: Дозвольте вам объяснить... Со Святой недели началось-то... Выхожу это я, значит, утром после заутрени, как пасхи освятили, и иду себе... Наши бабы впереди пошли, а я позади, значит. Шел, шел да и остановился на плотине...

Дворняга крадучись пробирается на сцену.

— Стою и смотрю на свет божий, как всё в нем происходит, как всякая тварь и былинка, можно сказать, свое место знает... (фонограмма поющих птиц) Утро рассвело и солнышко всходит... Вижу всё это, радуюсь и на пташек гляжу, Петр Егорыч. Вдруг у меня в сердце что-то: ёк! Екнуло, стало быть... (конец фонограммы)

Дворняга хватается за сердце и, волочащейся походкой раненого, добравшись до стола, устраивается под ним.

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Отчего же это?

МУЖИЧОНКА: — Оттого, что пташек увидал. Сейчас же мне в голову и мысль пришла. Хорошо бы, думаю, пострелять, да жалко, закон не приказывает. А тут еще в поднебесье две уточки пролетели (фонограмма хлопающих крыльев уточек и т.п.), да куличок прокричал где-то за речкой. Страсть как охоты захотел! С таким воображением и домой пришел. Сижусь и слышу, как лес шумит и пташка кричит: цвиринь! цвиринь! Ах ты, господи! Хочется мне на охоту, да и шабаш! А водки как выпил, так и совсем шальной стал. Голоса стал слышать. Слышно мне, как какой-то тоненький, словно как будто андельский, голосочек звенит тебе в ухе и рассказывает: поди, Пашка, постреляй!

Наваждение! Могу предположить, ваше высокоблагородие, Петр Егорыч, што это самое чертененок, а не кто другой. И так сладко и тоненько, словно дите. С того утра и взяла меня, это самое, тоска. Вспоминалось мне, глупому, как я с братцем Вашим, с покойничком, на охоту хаживал. Я у ихнего высокоблагородия, дай им бог... в наипервейших охотниках состоял. Выйдем мы, бывалыча, чуть свет, кликнем собак Кару и Ледку...

Дворняга встрепенулся и чуть не гавкнул, но вовремя спохватился и зажал себе рот лапами.

- да... аах! Верст тридцать в день проходим! Да что говорить! Петр Егорыч! Батюшка благородный! Истинно вам говорю, что кроме вашего братца во всем свете нет и не было человека настоящего!

Мужичонка быстро вытирает губы и, мигает косыми глазами.

МУЖИЧОНКА: От них я и тоску эту самую получил. Как нет стрельбы, так и беда – за сердце душит!

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Баловство!

МУЖИЧОНКА: Никак нет, Петр Егорыч! Меня от тоски-то аж затошнило. Тянет да и тянет на охоту, хоть ты тресни тут. Водку ходил пить – не помогает, еще того хуже. Не баловство-с! Назавтра тоска пуще прежнего... Ломит тебя да из избы гонит... Так и гонит, так и гонит! Сила!

Дворняга изображает тоску.

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Баловство!

МУЖИЧОНКА: Не баловство-с! Истинно вам говорю, что не баловство, Петр Егорыч! А по моему глупому предположению, как я это дело понимаю, это не баловство, а болезнь... Всё одно как запой... Один шут... Ты не хочешь, а тебя за душу тянет. Рад бы не пить, перед образом зарок даешь, а тебя подмывает: выпей! выпей! Пил, знаю...

Петр Егорыч трогает себя за опухшее лицо. Дворняга выползает из укрытия и показывает ему жестами: «ты ведь тоже знаешь, чего ж ты?...»

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Запой – другое дело.

Дворняга смотрит на П.Е. и мотает головой из стороны в сторону.

МУЖИЧОНКА: Одинаково-с! Разрази бог, одинаково-с! Истинно вам говорю!

Дворняга смотрит на Мужичонку и энергично кивает соглашаясь.

Мужичонка падает на колени рядом с подобравшимся к нему Дворнягой и оба начинают креститься.

МУЖИЧОНКА: Одно слово-с – запой... Сами изволите понимать по человеколюбию своему, какая это слабость есть.

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Ладно... ступай!

Мужичонка переглядывается с Дворнягой ещё не веря в своё счастье.

МУЖИЧОНКА: Ась?

ПЕТР ЕГОРЫЧ: Ступай, говорю, и больше не попадайся!

Мужичонка вскакивает с колен. Дворняга машет хвостом и крутится от радости на одном месте.

МУЖИЧОНКА: Сапожки пожалуйста-с!

ПЕТР ЕГОРЫЧ: А где они?

МУЖИЧОНКА: В шкафе-с...

Мужичонка получает свою обувь, шапку и ружье.

Пётр Егорыч пихает изнутри окно. Оно с шумом отворяется, и оса, наконец, улетает. (В течение всей сцены должен время от времени повторяться звук бьющейся о стекло осы)

Мужичонка выходит к рампе, косится вверх. Он весь светится от счастья. Дворняга подпрыгивает и норовит лизнуть его в лицо. Мужичонка отмахивается.

МУЖИЧОНКА: Ну, ну, ...пшла...

КОНЕЦ